УДК 821.161.1.

DOI: 10.17223/22220836/36/11

В.А. Суханов

ТЕКСТ И КУЛЬТУРА: ФУНКЦИИ «ВТОРИЧНЫХ» ТЕКСТОВ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1970 – НАЧАЛА 2000-х гг.

Статья посвящена интертекстовым взаимодействиям в русской литературе 1970 – начала 2000-х гг. в аспекте проблемы «Текст в тексте». Анализу подвергается категория «вторичного» («донорского») текста, устанавливаются границы понятия и рассматриваются различные основания для типологии вторичных текстов в художественной прозе этого периода. На основании предлагаемой типологии дается интерпретация произведений авторов различных литературных направлений. Устанавливаются тенденции и закономерности в функционировании вторичных текстов в прозе исследуемого периода.

Ключевые слова: *текст в тексте, вторичный текст, проза 1970 – начала 2000-х гг.*

В современной культуре соотношение культурологии и литературоведения, по мнению Дж. Каллера, «представляет собой запутанную проблему» [1. С. 23], несмотря на это, текст остается для обеих наук фундаментальным основанием деятельности, что определяет необходимость исследования многообразных текстопоорождающих процессов в литературе как базовой составляющей культуры.

В работах 1980-х гг. «Текст в тексте» (1981), «Семиотика культуры и понятие текста» (1981), «К современному понятию текста» (1986) Ю.М. Лотман, сближаясь с идеями М.М. Бахтина о диалогичности текста, отметил, что последний «чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [2. С. 90]. Последствием такого усложнения становится семиотическое «умножение» художественного текста: «Дальнейшая динамика художественных текстов, с одной стороны, направлена на повышение их целостности и имманентной замкнутости, а с другой, на увеличение внутренней семиотической неоднородности, противоречивости произведения, развития в нем структурно-контрастных подтекстов, имеющих тенденцию к все большей автономии. Колебание в поле „семиотическая однородность <—> семиотическая неоднородность“ составляет одну из образующих историко-литературной эволюции» [Там же. С. 86–87].

Эта внутренняя неоднородность, по Ю.М. Лотману, превращает текст в «мыслящее устройство» и является его основным структурным принципом. Необходимое условие порождения смысла – «введение в него чего-либо извне» [3. С. 65] (другой текст, читатель, культурный контекст), поскольку именно это введение запускает механизм трансформации потенциальной возможности генерирования новых смыслов, присутствующих «в имманентной структуре текста», в реальность прагматического взаимодействия сознания и текста: «Введение внешнего текста в имманентный мир данного текста играет огромную роль» [Там же. С. 67].

Таким образом, «внешний», в терминологии Ю.М. Лотмана, текст оказывается вторичным по отношению к тексту создаваемому, что дает основание рассматривать «вторичность» как свойство, лежащее на уровне прагматики в зоне взаимодействия сознания и текста: «Прагматические отношения – отношения между текстом и человеком» [3. С. 66]. Это предполагает иное, чем в существующих лингвистических и отдельных литературоведческих концепциях, понимание вторичности как свойства, возникающего в текстах, созданных на основе текстов-предшественников (претекстов): «Вторичный текст создается на основе некоего ментального образования, являющегося результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающего в свернутом виде его основное содержание» [4. С. 56].

К вторичным мы отнесем всякий текст (или его компонент), изъятый из своего «материнского» окружения (дискурса) и использующийся повторно в иной художественной семиотической среде¹. В таком понимании функционирование вторичного текста предполагает либо сохранение авторства первичного текста, его статуса и целостности, либо смену авторства, статуса и возможность его фрагментации в соответствии с новым художественным заданием автора текста, но в любом случае вторичный текст присутствует в оригинальном тексте эксплицитно. И в том и в другом случае он выступает в отношении создаваемого в функции донора², что позволяет определить такой вторичный текст как донорский, т.е. «дарящий» оригинальному «материнскому» (Ю.М. Лотман) тексту те смыслы, которые иным образом не могли быть в нем сформулированы и воплощены. В этом отношении значение термина «донорский» отличается от понимания, используемого в границах теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) и когнитивного направления в исследовании языка [7. С. 388–389].

Ж. Женетт в своей классификации располагает вторичные тексты на уровнях интертекстуальности (соприсутствие в одном тексте двух или более текстов: цитата, аллюзия, плагиат и т.д.), гипертекстуальности (осмеяние или пародирование одним текстом другого) и архитектекстуальности (жанровая связь текстов) [8]. Интертекстуальность, по замечанию Н. Пьеге-Гро, «включает в себя самые разнообразные типы практик и форм» [9. С. 45].

Современная литература активно прибегает к включению вторичных (донорских) текстов в структуру основных (материнских) текстов. Донорские тексты в структуре материнского текста включаются в формирование смыслопорождения и смыслооценки и могут актуализировать потенциальные смыслы в двух основных направлениях: лежащие вне данного текста либо внутри него. В первом случае благодаря возмущению смысла иного текста они создают коннотативные приращения собственного смысла (интерстекст). Во втором случае потенциальные смыслы актуализируются в тех уровнях материнского текста, коды прочтения которых недоступны без донорского текста, благодаря этому скрытые смыслы вступают во взаимодействие с доступными смыслами основного текста, обеспечивая дополнительные прира-

¹ Близкое понимание вторичного текста обосновывается в работе А.С. Гавенко «Вторичный текст как компонент художественного текста: На материале романа В. Пелевина «Generation „П“»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002 [5].

² Исходная латинская словоформа в разных словарях различается (dono – дарю; donare – дарить, жертвовать), но в любом случае связывается с семантикой дарения [6. С. 268].

щения смысла не за счет внешних источников, а за счет внутренних резервов (интекст). Функционирование в современной прозе именно этих «вторичных» донорских текстов, представляющих цитирование разной степени полноты, и является предметом рефлексии.

Типологически этот класс текстов может быть классифицирован по следующим основаниям: статус, тип авторства, место в структуре, выполняемые функции. По статусу выделяются три группы текстов: реальные (документальные, нехудожественные, художественные), вымышленные тексты и смешанные, или комбинаторные.

По типу авторства: коллективные (безымянные), индивидуально-авторские (персональные), мистифицированные (безымянные и персональные). По месту в структуре: без образования собственного плана повествования и структуры и обладающие собственной структурой и собственным планом повествования.

Вводимые в оригинальный текст реально существующие документальные тексты выполняют функции разного рода свидетельств (фактов, событий, явлений, процессов внетекстовой реальности). Центральная художественная функция таких текстов вне зависимости от типа авторства – подтверждение реальности, достоверности и подлинности изображаемого, авторитетности и легитимности предлагаемой художественной версии события или рассказываемой истории в целом (онтологический аспект)¹. Эти тексты характеризуют состояния той эпохи, к которой относятся, и выполняют ряд других функций: объяснение психологической мотивации поведения, обоснование этических оценок, характеристика политической и социальной расстановки сил и многие другие (романы Ю. Давыдова, Б. Окуджавы, Ю. Трифонова, А. Солженицына и др.). К ним относятся различного рода документы и исторические свидетельства (письма, телеграммы, стенограммы, иные архивные материалы). Собственный план повествования они обретают в документальной прозе.

Вторичные реально существующие разного рода нехудожественные тексты используются авторами как уже «готовые», «сложившиеся» интерпретации человека, истории, культуры. В аспекте авторства они представляют собой авторитетные коллективные и персональные религиозные, философские, религиозно-философские и культурологические тексты, выступающие в двух основных функциях, которые определяют их место в структуре основного материнского текста: 1) код прочтения части основного текста без образования собственного плана повествования («Пушкинский дом» А. Битова, «Время и место» Ю. Трифонова, «Карантин» В. Максимова, «Отец-лес» А. Кима, «Взятие Измаила» М. Шишкина), 2) инвариант материнского текста, его «конструкция смысла» (П. Рикёр), смысловой субстрат с образованием собственной структуры и собственного плана повествования (роман «Псалом» Ф. Горенштейна).

Примером взаимодействия основного и вторичного текстов в структуре произведения как кода прочтения части основного текста может служить роман Ю. Трифонова «Время и место», где библейская семантика присутствует на двух уровнях: на уровне текста (сюжет, композиция) и метатекста. На

¹ Мы не рассматриваем полемические вопросы взаимодействия документального и художественного [10–13].

уровне сюжета библейская истина входит в сознания героя в своем профанном, бытовом значении как высказывание матери Маркуши: «Все имеет свое время и свое место» [14. С. 500]. Уровень метатекста обозначен двойной семантикой заглавий: самого романа и его предпоследней главы и одновременным указанием на «Книгу Екклесиаста, или проповедника»: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» [15. 3.1]. С другой стороны, удвоение значений категорий времени и места благодаря двойному названию и романа, и отдельной главы отсылает нас как минимум еще к двум текстам М. Хайдеггера – «Бытие и время» и «Время и бытие». Именно «донорский» текст позволяет «прочитать» часть основной концепции романа, связанной с феноменологической и экзистенциальной интерпретацией категорий времени и места.

Автор полемизирует с Екклесиастом, приближаясь к хайдеггеровской версии. Если в ветхозаветном тексте смерть обесмысливает все человеческие усилия, то в романе Ю. Трифонова положение Антипова на пороге смерти, наоборот, возвращает ему утраченный ранее смысл своего индивидуального существования, заключающийся не в освобождении от жизни, а в приобщении к ней через любовь к сущему, «делание бытия сподручным», в терминологии Хайдеггера)¹. Единственная ценность, не вошедшая в кругозор библейского автора, – это любовь к бытию. Любовь к жизни и есть форма прощения и великодушия человека.

Ю. Трифонов истолковывает историю как персоналистический, экзистенциальный акт установления связи с Другими, истолкование присутствия, времени и места близко хайдеггеровскому и означает явленность личностной любви к миру, преодоление эгоизма как реализацию экзистенциальной интенции человека и прорыв к подлинному существованию. Жизнь Антипова – Андрея становится моделью существования человека в истории и воспроизводит основные духовные фазы существования, реализованные в экзистенциальных состояниях персонажей: любовь, страх перед жизнью, его преодоление, отчаяние, вина, память, смерть и т.д.

Примером второй группы, где вторичные тексты образуют собственную структуру, собственный план повествования, выступая инвариантом материнского текста и являя его смысловой субстрат, может служить роман Ф. Горенштейна «Псалом». В текст романа Ветхий Завет вводится несколькими основными способами: 1) цитированием; 2) пересказом, 3) отсылками к библейским текстам, ситуациям, персонажам. Он создает в романе свой собственный план, на который накладываются события русской истории XX в. для выявления их соответствия / несоответствия библейским истинам, просвечивающим и через хаос исторической действительности, и через словесный хаос культуры.

Общие представления о народах в их взаимоотношениях друг с другом, реальностью и Богом основаны на ветхозаветных коллизиях и притчах, данных в истолковании эпического повествователя и интерпретации отдельных библейских персонажей (Моисей, Иисус). Ветхозаветные истины, по Ф. Горенштейну, «лежат в фундаменте бытия» [17. С. 239], именно поэтому должен быть разгадан их смысл, восстановлена разбитая человечеством чаша Истины. На уровне мегаистории писатель исходит из того, что история всего

¹ Das Zuhandene – подручное сущее, т.е. максимально близкое, неотрывное от человеческого существования, являющееся его средством [16].

человечества разворачивается в «проклятом» и отпавшем от Бога мире: «после Эдема человек – существо проклятое. Он проклят на труд и проклят на историю...» [15. С. 200].

Ведущая роль Ветхого Завета, создающего собственный план повествования в структуре романа, определена характером взаимоотношений Бога и человека, противоположностью трансцендентного и тварного миров. Материальный мир греховен по отношению к Богу, человеком управляют его пороки: эгоизм, похоть, легкомыслие, жадность, трусость и т.д., а причина греховности кроется в свободном выборе человека в пользу существования вне Бога (первородный грех), с этих пор зло в мире постоянно увеличивается. Бог, по Горенштейну, – это бесконечный смысл, а не Слово, которое по отношению к Богу вторично, с чем связана авторская полемика с христианством.

Преодоление дистанции между тварной реальностью и теми смыслами, которые Бог заложил в нее как творец, возможно в искусстве, что связано с его спецификой как особого языка описания действительности. Подражание Божьему является как основой существования реальности: «Что есть бытие, как не повторение и подражание...» [17. С. 89], так и нормой высокого искусства, поэтому в человеческом мире только искусство имеет Божественную природу, так как рождает бесконечное количество смыслов: «кроме искусства нет ничего Божьего у человека» [Там же. С. 283], а остальные человеческие способы описания мира (наука, философия, религия, культура) обладают завершенностью, конечностью смыслов.

Библейский текст воплощает субстанциальные и неизменные истины, превращающие Ветхий Завет в поэму. Такое понимание Библии как поэтического текста особого рода обуславливает и авторское отношение к ней как позицию художника, обращающегося к другому творению (сакральному произведению Бога) в поисках забытых в истории человечества истинных универсальных смыслов. Обращение Горенштейна к Библии можно истолковать как свободную творческую интерпретацию, обуславливающую как отбор фрагментов библейского текста, так и трактовку образов Христа и Антихриста.

Третью группу реальных вторичных текстов представляют различного рода художественные тексты, имеющие коллективного (фольклор) или реального автора (проза А. Битова, В. Пелевина, А. Уткина и др.). Основная художественная функция таких текстов как хранителей культурной памяти – актуализация иных смысловых контекстов для дополнительного смыслопорождения и адекватного прочтения концепции автора. При этом они, как правило, не образуют собственную структуру внутри материнского текста.

Использование классической литературы как авторского кода – характерная черта «текстоцентристского» постмодернистского мышления, конструирующего текст и художественную реальность. Принципы такого конструирования обнаруживаются в рассказе В. Пелевина «Хрустальный мир». О его концептуальной роли для автора свидетельствует фабульное время – 24 октября 1917 г., день начала «новой» эры в истории России. Эта та самая точка бифуркации, когда еще сохранялась вероятность русской истории XX в. [18], поэтому совершенно отчетливо проявляется семантическая нагруженность фабулы, реализующей авторские представления о закономерном и случайном в истории.

Стихотворение А. Блока «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...» является ключом для прочтения авторской концепции истории в рассказе В. Пелевина «Хрустальный мир» [19]. Написанное в 1904 г. стихотворение входит в цикл «Город» (1904–1908), созданный под влиянием брюсовского «Конь Блед» и наполненный апокалиптическими предчувствиями конца. У В. Брюсова «конь Блед» с таинственным всадником в седле – образ, заимствованный из Библии и несущий весть о близкой гибели мира. Этому образу посвящено первое стихотворение из блоковского цикла с характерным названием «Последний день». Цитируемое стихотворение А. Блока с его деструктивными мотивами разложения, распада, смерти создает образ мертвого, пустого мира, по которому вечно бредут люди.

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг – влюблен в луну – живет ее обманом.
Вот – третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?
И – трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Все пусто – здесь и там – под зноем неустанным.
Заборы, как гроба. В канавах прееет гниль.
Все, все погребено в безлюдья окаянном.
Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер – спит ваш близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»
И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий [20. С. 104].

Текст стихотворения намеренно «рассыпан» в материнском тексте: третий и четвертый стих использованы в сильной позиции текста (эпиграф): «Вот – третий на пути. О, милый друг мой, ты ль / В измятом картузе над взором оловянным?». Первый, второй, третий, седьмой и восьмой цитируются одним из героев после клятвы Николая: «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль. / Мой друг – влюблен в луну – живет ее обманом. / Вот – третий на пути». Последние два стиха, как третий и четвертый, находятся в сильной позиции текста (завершение финала): «И дальше мы бредем. И видим в щели зданий / Старинную игру вечерних содроганий».

Между блоковскими фрагментами размещается поле авторской игры, в которую вовлекается не внетекстовая реальность, а различные дискурсы (социальные, исторические, культурные), дискурсивные практики (реалистическая, модернистская, постмодернистская), модусы (комический, трагический, героический и т.д.) и концепты.

Текст А. Блока призван обнаружить симулятивную природу сознания и любых производимых им культурных продуктов, существующих отдельно от реальности и истории. Реальность и то, что человек думает о ней, – две не пересекающиеся, а параллельные системы, поэтому человек не может быть субъектом фатально совершающейся по воле случая истории, а его претензии на власть над ней не более чем анекдот, поэтому любые попытки описать историю оказываются очередным «метарассказом», уже в силу своей природы нуждающимся в постмодернистской деконструкции.

Старая Россия помещена в хрустальный шар, который, казалось бы, должен обозначать, с одной стороны, красоту и гармонию (шар) прежнего мира, а с другой стороны, его незащищенность и хрупкость (хрустальный), но благодаря пародийному смещению автор показывает, что сам этот шар не более чем плод социального мифотворчества, он существует только в одурманенном сознании, а не в реальности, именно поэтому хрустальный мир как мир fiction исчезает в сюжете, замещаясь хрустом осколков выбитой витрины. «Хр-р-рус-с-стальный мир», – с отвращением к себе и всему на свете подумал Николай. Недавние видения показались вдруг настолько нелепыми и стыдными, что захотелось в ответ на хруст стекла тоже заскрипеть зубами» [19. С. 168]. Движение истории бесцельно, бессмысленно и абсурдно, но в этом нет никакого трагизма, потому что человечество еще продолжает «брести». Игра – единственно возможный способ существования человека в таком непознаваемом и алогичном мире.

Вымышленные вторичные тексты образуют отдельную группу в текстообразовании и художественном миромоделировании современной прозы. Авторство этой группы вторичных текстов, как правило, связано либо с фигурой и сознанием нарратора, либо с определенным типом героя. И в том и в другом случае вторичные тексты этой группы выполняют функции, связанные с задачами этих персонажей в произведении и не образуют собственной структуры. Тексты этой группы распадаются на три типа.

Первый – различного рода стилизованные тексты в произведениях (романы С. Залыгина, В. Тендрякова), появление которых обусловлено нехваткой реальных исторических свидетельств и авторской интенцией либо к верификации (истинности) предлагаемой версии истории (Б. Окуджава, С. Залыгин, Ю. Трифонов), либо к травестированию и пародированию готовых концептов и версий (проза В. Сорокина, В. Пелевина, Вл. Отрошенко). Во втором случае семантическая недостаточность стилизованного текста (кризис читательского доверия) компенсируется намеренным акцентом на его действительной жанровой природе, т.е. на уровне архитектуральности (Ж. Женетт), чем мистифицируется онтологический статус основного текста: так, повесть Вл. Отрошенко «Прощание с архивариусом» жанрово обозначена как «Краткое исследование издательской деятельности Кутейникова», а повесть «Почему великий тамбурмажор ненавидел путешествия» определяется как «Публичная лекция, читанная в зимней столице королевства Бутан во время муссонных дождей» [21. С. 19, 39]. Ряд рассказов В. Пелевина имеет авторские подзаголовки: «Оружие возмездия» – историческое исследование, «Реконструктор» – рецензия на историческую книгу, «Откровение Крегера» – комплект якобы настоящих секретных документов одного из отделов СС.

Второй тип – вымышленные тексты персонажей, в том числе и вводимые нарратором, чья достоверность подтверждена только автором: тексты персонажей в романах Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», А. Битова «Пушкинский дом», В. Тендрякова «Покушение на миражи», фантики-дневники в романе М. Харитонов «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича», тексты персонажей в романе С. Шаргунова «Птичий грипп», виртуальные лекции героя в повести «Происхождение и облик русской цивилизации» В. Пьецуха, стихотворение персонажа в романе В. Пелевина «Жизнь насекомых» и др.).

Отказ от истории в прозе В. Пелевина воплощен в критике авторитетных версий истории как метанарративов и осуществляется с помощью создания вымышленных абсурдных текстов, принадлежащих героям. Так, в рассказе «Реконструктор» – это рецензируемая книга П. Стецюка «Память огненных лет» с ее историей о семи разных Сталинах. В рассказе «Оружие возмездия» это абсурдные тексты средств массовой информации, создающие множественные симулякры, способные активно воздействовать на реальность и ход истории. Используемый тип донорских текстов обнаруживает как манипулятивные стратегии дискурса власти, так и эклектичность, всеядность массового сознания.

Третий тип – различного рода вымышленные и недостоверные (мистифицированные) тексты, снимающие проблему достоверности для намеренного обнажения условности основного материнского текста как продукта сознания, вымысла (проза П. Алешковского, В. Пелевина, Е. Попова, В. Пьецуха, Ю. Буйды, Вл. Отрошенко, Кураева, Сорокина).

Цикл Вл. Отрошенко «Персона вне достоверности» состоит из 4 повестей, в каждой из которых обозначено столкновение обыденной и метафизической реальностей. При этом в основной текст включены разного рода мистифицированные тексты (газетные публикации, рапорты, предписания, отрывки из журнальных публикаций и др.). Исторический колорит казачьей жизни начала века и различного рода вымышленные тексты персонажей выполняют роль декораций, что свидетельствует об исчезновении традиционно понимаемой истории, место которой занимают идеи отсутствия времени и пространства, путешествий и переселений сознания.

В повести В. Пьецуха «Происхождение и облик русской цивилизации» [22. С. 3–36] ироническая игра автора-творца усиливается жанровым подзаголовком повести «Курс лекций» (воображаемое чтение лекций героем – внутренние монологи). Лекция как коммуникативный жанр предполагает публичную, как правило, научно-образовательную институционализированную официальную ситуацию, в которой лектор (адресант) обладает сверхинформированностью (избыточной) в какой-то области по отношению к аудитории (адресату). Институционализация «снимается» в повести как фиктивностью лекций (воображаемые), так и профанированием этого жанра, поскольку герой читает лекции перед различными аудиториями и в различных социальных позициях (доцента, подсудимого, бомжа, лектора, зека, телеведущего, попрошайки).

Избыточная информированность лектора иронически снижается типом героя. Пирожков – доморощенный философ, оперирующий поверхностными представлениями. С одной стороны, он включен автором в контекст доморощенных философов, созданных русской классикой XIX в., а с другой стороны, представляет сниженный вариант сформированного в границах советской цивилизации кухонного интеллигента, чей способ философствования представляет эклектическое сочетание различных плохо усвоенных идей.

Пирожков – авторский конструкт, о чем дополнительно сигнализирует семантика «испеченности» кем-то или чем-то в фамилии героя, в данном случае создателями мифов о русском человеке, что коррелирует с «обликом» в названии повести и позволяет дополнительно усилить семантику масочности, необходимой автору для иронической игры. Материалом иронической

авторской игры становится ряд идеологем, приписываемых русской цивилизации и русскому человеку. В. Пьецух вскрывает в повести пустоту идеологического конструкта «русская цивилизация», обнаруживая его мифогенную природу, реализуя тем самым гетевскую формулу «суха (мертва) теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет» и утверждая приоритет незавершенной и текучей реальности над всеми попытками ее идеологического овнешнения.

В зависимости от авторского задания все четыре группы текстов могут участвовать в различных комбинаторных текстовых процессах, образуя особую комбинаторную группу текстов (романы Ю. Буйды «Ермо», роман А. Гостевой «Притон просветленных»). Так, статус текстов в романе Ю. Буйды «Ермо» определяется их положением относительно внетекстовой реальности: имеющие реальных авторов художественные и философские тексты («Лолита» Набокова, «Пир» Платона); вымышленные документальные, художественные, философские и научные тексты героя романа Ермо («Als Ob», «Пешное действо», «L'art de mer», «Лекции в Шато-Сюр-Мер», эссе о Карамзине из книги Ермо «Триумфы и трофеи», интервью Ермо корреспонденту «Литературной газеты» Раменскому) [23]. Совокупность всех текстов в романе, в том числе и присутствующих номинативно, создает единое пространство мировой культуры, для чего вымышленные тексты помещены в контекст реально существующих: «Сегодня мы вправе рассматривать в одном контексте „Письма Асперна“ Джеймса¹, «Бурбанк с „Бедекером“, Блейштейн с сигарой» Элиота² и „Als Ob“ Ермо-Николаева – три произведения, посвященные Венеции и выросшие из одного источника» [Там же. С. 23].

К этой же группе относится и роман А. Гостевой «Притон просветленных», где 220 фрагментов различных (художественных и нехудожественных) текстов параллельны (это оформлено и графически на полях) основному повествованию. Эти 220 фрагментов включают тексты классического индуизма, тибетского буддизма, дзен-буддизма, мусульманские и тексты Ветхого и Нового завета, художественные тексты (А. Милна, Г. Гессе, Л. Кэрролла, О. Хаксли, Дж. Фаулза), тексты мистические и психоделические (Дж. Уайт, Р.А. Уилсон, Тимоти Лири, К. Кастанеда), философские тексты (Плотин, Сведенборг), тексты современных индийских мистиков (Ошо Раджниш, Саи Баба) [24]. Различные повествовательные инстанции оформляют три уровня сюжета: «авторский» (вставные и параллельные тексты), «внешний» (слово повествователя), «внутренний» (переписка героев, воспоминания и слово героини), обладающие относительной самостоятельностью внутри единого сюжета романа. Эти уровни увеличивают комбинаторные возможности текста и определяют вариативность в выборе читательской стратегии.

Так, организованная структура повествования и рождаемые ею комбинаторные читательские стратегии несомненно входили в художественное задание автора и семантически нагружены. С одной стороны, текст романа стремится стать гипертекстом, т.е. текстом, позволяющим начать чтение с любого уровня без утраты смысловой целостности. С другой стороны, он (в силу сюжетной завершенности) «указывает» на необходимость его последовательного и целостного освоения как художественно реализованной единой авторской установки. Художественная функция этих текстов – представить духов-

¹ Повесть Г. Джеймса.

² Стихотворение Т. Элиота.

ное и этическое самоопределение главных героев Киры и Горского как часть сложнейшей духовной истории человечества. Использование такого рода донорских текстов характерно, прежде всего, для реалистической прозы 1970-х – конца 1990-х гг. Тенденция создания и введения в повествование различного рода вторичных вымышленных текстов и вытеснения группы реальных вторичных текстов характерна для прозы рубежа XX–XXI вв. Она связана с кризисом рационального понимания истории в литературе этого периода (проза В. Пелевина, А. Кима, Вл. Отрошенко, Вяч. Пьецуха) и разворотом в сторону мистицизма, метафизических религиозно-философских концепций Востока (индуизм, буддизм, дзен-буддизм, даосизм).

Таким образом, активное вторжение в основной текст произведения вторичных текстов различной природы (документы, метанарративы, поэтические и прозаические тексты реальных авторов, разного рода вымышленные и стилизованные тексты) способствует приращению дополнительных смыслов, которые включают произведение в широкий культурный (философский, исторический) контекст, обеспечивая его диалог в акте культурной коммуникации различных эпох, и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Каллер Д. Теория литературы : краткое введение. М. : Астрель : АСТ, 2006. 158 с.
2. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб.: Академический проспект, 2002. С. 84–92.
3. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб. : Академический проспект, 2002. С. 58–78.
4. Нестерова Н.М., Попова Ю.К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. С. 52–61.
5. Гавенко А.С. Вторичный текст как компонент художественного текста: На материале романа В. Пелевина «Generation „П“»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/vtorichnyi-tekst-kak-komponent-khudozhestvennogo-teksta-na-materiale-romana-v-pelevina-gener> (дата обращения: 02.04.2019).
6. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М. : Изд-во АСТ; Изд-во Астрель, Русские словари. 2002. 960 с.
7. Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2015. 848 с.
8. Женетт Ж. Палимпсесты. Литература во второй степени. М. : Наука, 1989. 312 с.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
10. Палиевский П.В. Документ в современной литературе // Палиевский П.В. Литература и теория. М. : Советская Россия, 1979. С. 128–173.
11. Явчуновский Я.И. Документальные жанры. Образ, жанр, структура произведения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 232 с.
12. Литература и документ : Теоретическое осмысление темы [Электронный ресурс]. URL: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (дата обращения: 04.12.2018).
13. Каспэ И.М. Когда говорят вещи : документ и документность в русской литературе 2000-х годов. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 48 с.
14. Трифионов Ю.В. Время и место // Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Худ. лит., 1987. С. 253–520.
15. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М. : Российское библейское общество, 1995. С. 11–916.
16. Ставцева О.И. Словарь основных терминов философии Хайдеггера // Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / отв. ред. М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. 2-е изд. СПб. : СПб. философ. общество, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/stavceva-oi/slovar-osnovnyh-terminov-filosofii-haydeggera> (дата обращения: 15.03.2019).
17. Горенштейн Ф. Псалом // Избранные произведения. М. : Слово, 1993. С. 3–312.

18. Лотман Ю.М. Исторические закономерности и структура текста // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 307–344.
19. Пелевин В. Хрустальный мир // Пелевин В.О. Желтая стрела. М. : Вагриус, 1998. 432 с.
20. Блок А. «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...» // Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. II: Стихотворения. Кн. вторая (1904–1908). М. : Наука, 1997. 895 с.
21. Отрошенко Вл. Персона вне достоверности. СПб. : Лимбус Пресс, 2000. 256 с.
22. Пьецух В.А. Происхождение и облик русской цивилизации // Пьецух В.А. Догадки : повести и рассказы. М. : Глобулус, 2007. С. 3–36.
23. Буйда Ю.В. Ермо // Буйда Ю.В. Скорее облако, чем птица. Роман и рассказы. М. : Вагриус, 2000. С. 7–180.
24. Гостева А. Притон просветленных. М. : Вагриус, 2001. 480 с.

Vyacheslav A. Sukhanov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: slsuh@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 36, pp. 118–129.

DOI: 10.17223/22220836/36/11

TEXT AND CULTURE: FUNCTIONS OF “SECONDARY” TEXTS IN RUSSIAN PROSE OF 1970S-BEGINNING OF 2000S

Keywords: text inside text; secondary text, 4 prose of 1970s–beginning of 2000s.

The article focuses on a typology of the secondary texts in Russian prose of 1970–beginning of 2000s. Amount and boards of the term “secondary text” are established. The grounds for classification are the following: status, type of authorship, place in structure, functionality. Three groups of texts according to their status are marked out: real (documentary, non-fiction, fiction) texts, imaginary texts, combinatorial texts. According to the type of authorship: collective (nameless) texts, individual-authorized (personal) texts, mystified (nameless and personal) texts. According to the place in structure: without their own plan of narration and structure, and with their own structure and plan of narration.

The paper brings the light on the fact that non-fiction “donor” text in Russian prose of 1970s–1980s on the one hand allows to “read” a certain part of the main concept of the text (“Vremia I mes-to” by Yu. Trifonov). On the other hand, this “donor” text can organize its own structure, own plan of narration, being the invariant and semantic substance of maternal text (“The Psalm” by F. Gorenstein). The secondary author’s fiction texts are used for some extra argumentation of a concept of a certain writer (short novels written by V. Pelevin in 1980s). Imaginary secondary texts are shown in modern prose with three main types: different kinds of formalized texts; imaginary texts by personages (characters and narrator); mystified texts dealing with the authenticity issue for intentional revealing of conventionality of the main maternal text as a product of consciousness, fantasy. Depending on author’s task all groups of texts can be a part of different combinatorial textual processes, creating special combinatorial group of texts (novels by Yu. Buyda “Yermo”, A. Gostevaya “Priton Prosветlyonnyh”).

Unlike the prose of 1970–1980s, the modern prose is characterized by the tendency to create different types of imaginary texts instead of the group of real texts. This tendency is one of the features typical for the prose of the turn of a century. The reasons are to be found in the crisis of rational understanding of history in the literature by the turn of XXI century and a turn toward mysticism, metaphysical religious-philosophical concepts. Active invasion of the secondary texts by various nature (documents, metanarrations, poetical and prosaic texts by real authors, different types of imaginary and formalized texts) in the main text furthers increase of extra meanings. They include a certain text in wide cultural (philosophical, historical, culturological) context, providing its dialogue in the act of cultural communication of different epochs.

References

1. Culler, J. (2006) *Teoriya literatury: kratkoe vvedenie* [Literature Theory: A Brief Introduction]. Translated from English by A. Georgieva. Moscow: Astrel'.
2. Lotman, Yu.M. (2002a) *Stat'i po semiotike iskusstva* [Articles on Semiotic of Art]. St. Petersburg: Akademicheskiiy prospekt. pp. 84–92.

3. Lotman, Yu.M. (2002b) *Stat'i po semiotike iskusstva* [Articles on Semiotic of Art]. St. Petersburg: Akademicheskiiy prospekt. pp. 58–78.
4. Nesterova, N.M. & Popova, Yu.K. (2017) The problem of differentiating primary and secondary texts. *Vestnik PNPU. Problemy yazykoznavaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 4. pp. 52–61. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9389/2017.4.5
5. Gavenko, A.S. (2002) *Vtorichnyy tekst kak komponent khudozhestvennogo teksta: Na materiale romana V. Pelevina "Generation P"* [Secondary text as a component of a literary text: Based on V. Pelevin's Generation P]. Abstract of Philology Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/vtorichnyi-tekst-kak-komponent-khudozhestvennogo-teksta-na-materiale-romana-v-pelevina-gener> (Accessed: 2nd April 2019).
6. Grishina, E.A. (2002) *Bol'shoy illyustrirovannyi slovar' inostrannykh slov* [A Large Illustrated Dictionary of Foreign Words]. Moscow: AST; Astrel', Russkie slovari.
7. Kibrik, A.A. & Koshelev, A.D. (2015) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Contemporary Cognitive Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Genette, J. (1989) *Palimpsesty. Literatura vo vtoroy stepeni* [Palimpsesta. Literature in the second degree]. Translated from French. Moscow: Nauka.
9. Piege-Gro, N. (2008) *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Translated from French Moscow: LKI.
10. Palievsky, P.V. (1979) *Literatura i teoriya* [Literature and Theory]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 128–173.
11. Yavchunovsky, Ya.I. (1974) *Dokumental'nye zhanry. Obraz, zhanr, struktura proizvedeniya* [Documentary Genres. Image, Genre, Structure]. Saratov: Saratov State University.
12. Palievsky, P.V. et al. (2008) *Literatura i dokument: Teoreticheskoe osmyslenie temy* [Literature and Document: Theoretical Understanding of the Topic]. [Online] Available from: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (Accessed: 4th December 2018).
13. Kasje, I.M. (2010) *Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost' v russkoy literature 2000-kh godov* [When things speak: document and documentation in Russian literature of the 2000s]. Moscow: HSE.
14. Trifonov, Yu.V. (1987) *Sobraniya soch.: v 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 253–520.
15. The Bible. (1995) *Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical]. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo. pp. 11–916.
16. Stavtseva, O.I. (2001) *Slovar' osnovnykh terminov filosofii Khaydeggera* [Dictionary of the main terms of Heidegger's philosophy]. In: Korneev, M.Ya. & Torchinov, E.A. (eds) *Khaydegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Eastern Philosophy: The Search for the Complementarity of Cultures]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg filosof. obshchestvo. [Online] Available from: <http://anthropology.ru/ru/text/stavtseva-oi/slovar-osnovnyh-terminov-filosofii-haydeggera> (Accessed: 15th March 2019).
17. Gorenstein, F. (1993) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Slovo. pp. 3–312.
18. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 307–344.
19. Pelevin, V. (1998) *Zheltaya strela* [Yellow Arrow]. Moscow: Vagrius.
20. Blok, A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
21. Otroshenko, Vl. (2000) *Persona vne dostovernosti* [Person Beyond Credibility]. St. Petersburg: Limbus Press.
22. Pietsukh, V.A. (2007) *Dogadki: povesti i rasskazy* [Guesses: Novels and Stories]. Moscow: Globulus. pp. 3–36.
23. Buyda, Yu.V. (2000) *Skoree oblako, chem ptitsa. Roman i rasskazy* [More like a cloud than a bird. Novel and short stories]. Moscow: Vagrius. pp. 7–180.
24. Gosteva, A. (2001) *Priton prosvetlennykh* [A Den of the Enlightened]. Moscow: Vagrius.